

Иван Оченков

**ВЗГЛЯД
НА
ВАСИЛИСКА**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-95

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 149

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Оченков, Иван Валерьевич

О-95 Взгляд василиска / Иван Оченков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 480 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-113139-5

Он великий князь. Молод, знатен и богат, но при этом прост в обращении и совершенно незаносчив. Его ценят друзья и ненавидят враги. Он от рождения одарен всем, о чем другие могут только мечтать, и лишь в любви ему упорно не везёт. Может быть, поэтому он без остатка отдал свое сердце бескрайнему морю, грозным военным кораблям и большим пушкам. Недаром его новое предназначение — сквозь трусость, измены и предательство провести русский флот к заслуженной славе и новым победам!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113139-5

© Иван Оченков, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Промозглый декабрьский ветер уныло гнал мусор вдоль перрона, когда из только что прибывшего поезда стали выходить пассажиры. Первой из классного вагона вышла дама, лицо которой скрывала свисавшая с не слишком изящной шляпки вуаль. Последняя, впрочем, не помешала худому господину в чиновничьей шинели узнать ее и, раскинув руки, с непритворной радостью шагнуть к долгожданной супруге.

— Капочка, родная, наконец-то! — восклицал он, заключая в объятия свою дражайшую половину.

Увы, встречавший жену чиновник оказался несколько неуклюж и, обнимая, ухитрился смахнуть с головы супруги шляпку. Налетевший в это мгновение ветер тут же подхватил добычу и непременно унес бы ее прочь, если бы шедший следом молодой человек в форме лейтенанта флота не подхватил ее, чтобы вернуть законной владелице. Дама, несколько обескураженная тем, что предстала перед молодым офицером в неприглядном виде и с растрепанной прической, с благодарностью приняла предмет своего туалета и попыталась тут же вернуть ее на место. Виновник происшествия принялся помогать ей, пытаясь загладить свою оплошность, но своими стараниями лишь больше ее усугублял. Наконец, непокорная шляпка была водружена на место, и супруги принялись благодарить молодого человека.

— Ну что вы, мадам, не стоит благодарности, — вежливо отвечал тот на поток красноречия.

— Позвольте представиться, — вспомнил о правилах хорошего тона ее супруг, — коллежский асессор, Егоров Ефим Иванович, а это моя супруга, Капитолина Сергеевна.

— Честь имею, — отвечал им молодой человек, — лейтенант Романов, Алексей Михайлович.

— Очень приятно-с, вы, верно, назначены на эскадру?

— Точно так.

— А я, изволите ли видеть, служу на здешней почте.

— Весьма рад знакомству, господа.

Дама, наконец, смогла привести себя в относительный порядок и, лучезарно улыбнувшись, проговорила:

— В Порт-Артуре довольно скучная жизнь, господин лейтенант, но если вы пожелаете, то можете нас навестить. По четвергам мы устраиваем нечто вроде вечера для друзей. Приходите, мы будем рады.

— Как-нибудь, непременно, — вежливо отвечал офицер и, приложив два пальца к козырьку, откланялся.

Вслед за ним из вагона вышли его спутники, и все вместе они направились в здание вокзала.

Следовавшие с лейтенантом люди заслуживают отдельного описания. Один из них — довольно крепкий еще старик в матросской форме, а второй — безукоризненно одетый молодой человек в богатом пальто и бобровой шапке. Как ни странно, именно этот господин был занят багажом офицера.

Супруги еще некоторое время смотрели на странную троицу, после чего чиновник обратился к жене:

— Право, Капочка, что за странная идея пригласить к нам офицера флота? Ты же знаешь этих снобов, они не слишком жалуют нашу чиновничью братию.

— Помолчи, Фима, ты таки ничего не понимаешь в жизни! — В голосе дамы неожиданно прорезался говорок, благодаря которому всякий побывавший на черноморском побережье Российской империи сразу же узнал бы в милейшей Капитолине Сергеевне уроженку города Одессы. — Далекое не все офицеры флота графы, а нашей бедной Миле давно пора замуж!

— А отчего ты полагаешь, что этот молодой человек не граф? Ну да, у него не слишком графская фамилия, так что с того, у нашего царя такая же!

— Господи, Фима! Ты внимательно осмотрел этого молодого человека? Таки точно нет, потому что не заметил, что он совсем уж не такой молодой. Ему, наверное, уже серьезно

за тридцать, и если он до сих пор лейтенант, то уж точно не граф! А наша Мила — славная девушка и могла бы составить неплохую партию.

— Что ты говоришь, Капочка, твоя сестра, с тех пор как окончила эти ужасные Бестужевские курсы, вовсе и не думает о замужестве! Она, видите ли, свободная женщина и хочет сама строить свою жизнь!

— Я тоже была свободная женщина, пока не вышла за тебя замуж! Потому прекрати болтать и зови скорее рикшу, а то я ужасно замерзла! И будь уверен, Фима, я тебе еще припомню эту шляпку!

Между тем молодой человек, не подозревая того, что стал целью матримониальных планов мадам Егоровой, двигался к своей цели. Она немного ошиблась, определяя его возраст, так как ему было всего двадцать восемь лет от роду. Впрочем, глядя на легкую седину на висках, ошибиться было немудрено. Но вот то, что его карьера не задалась, чиновница определила совершенно точно. Дело в том, что сразу после получения мичманского чина молодой человек серьезно заболел и довольно долго не мог служить. А еще он действительно не был графом. Алексей Михайлович Романов — так звучит имя нашего героя — был внуком покойного императора Николая Павловича и, соответственно, двоюродным дядей царствующего монарха, Николая Александровича. Следовательно, он носил титул великого князя Российской империи, который, впрочем, не любил афишировать. Младший сын бывшего наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича был воспитан в строгости и не слишком хорошо чувствовал себя в великолепных дворцах своих царственных родственников. Простудившись же во время практики на крейсере «Генерал-адмирал», он долго лечился в Италии и оттого совсем отвык от придворной жизни. После выздоровления молодой великий князь приложил все силы, чтобы попасть служить как можно дальше от Петербурга. Желание Алексея Михайловича было удовлетворено, и он получил назначение в Порт-Артурскую эскадру на броненосец «Полтава».

Теперь позвольте представить его спутников. Старый матрос, которого все звали Архипычем, шедший за ним следом, был личностью замечательной. Познакомились они

с Алексеем Михайловичем почти десять лет назад, во время злополучного плавания на «Генерал-адмирале». Старослужащий матрос, помнивший еще чуть ли не Крузенштерна и имевший крест за бои на Малаховом кургане, давно бы должен стать боцманом, если бы не его дерзкий и неуживчивый характер. Упрямый старик, великолепно знавший парусную службу, очень мало кого считал авторитетом в этом вопросе и потому, не стесняясь, высказывал свое мнение, если считал это необходимым. Во времена Нахимова ходить бы ему исполосованному линьками, и георгиевское кавалерство не помогло бы*, но нравы с тех пор, как ни крути, смягчились, и все ограничивалось дисциплинарными взысканиями. По хорошему, Архипыча давно следовало отправить в отставку, но командир ценил его за знание службы, которое редко встретишь в нынешние времена, да и идти старому матросу было некуда. В родной деревне его вряд ли кто помнил, а иной семьи кроме корабельного экипажа у него не было. К тому же Архипыч был отчего-то весьма популярен среди кадетов, и был даже случай, когда офицер, посчитавший себя оскорбленным замечаниями нижнего чина и ударивший старика, был подвергнут ими обструкции и был вынужден подать прошение о переводе. Дело, возможно, в том, что Архипыч, помимо глубокого знания всех предметов такелажа, еще и непревзойденно умел ругаться. Сейчас искусство большого и малого боцманского загиба почти утрачено, а то, что нынешние моряки полагают таковым, лишь бледный отблеск былого великолепия. Правда это или нет, трудно сказать, но ходят слухи, что строевые квартирмейстеры и будущие офицеры считали своим долгом выучиться этому непростому искусству у Архипыча и даже держали неофициальный экзамен у старого матроса.

Надобно сказать, что, скромный до застенчивости, Алексей Михайлович никогда не был в числе учеников или почитателей таланта старого матерщинника, но по воле судьбы

* Вообще, линь — это просто веревка, однако во времена парусного флота именно линьками и производились телесные наказания. Георгиевские кавалеры по закону от оных были освобождены, но... — *Здесь и далее примечания автора.*

именно Архипычу довелось вовремя обнаружить, что молодой великий князь зашибся во время шторма и лежит никем не замеченный без всякой помощи. Подхватив его на руки, тот отнес юношу в лазарет, а потом несколько раз навещал спасенного. Не очень понятно, на чем они сошлись, но с тех пор не разлучались. Отец Алеши, великий князь Михаил Николаевич, умел быть благодарным. Плечи старика перед отставкой украсились унтерскими контриками, а грудь — медалью на Аннинской ленте. Узнав, что идти ему некуда, генерал-фельдмаршал сделал отставному матросу совершенно шикарное предложение. Архипыч поступил на службу в великокняжескую семью в качестве вестового юного великого князя. Весьма изрядное по его меркам жалованье, возможность до смерти носить приросшую к коже матросскую форму, да золотые часы с гравировкой, повествующей о совершенном им подвиге, стали последней каплей, склонившей Архипыча к новой для него службе.

Другой спутник Алексея Михайловича, несмотря на безукоризненный костюм и прическу, был просто камер-лакеем и звался Прохором Сапожниковым. Человек не слишком опытный, вроде мадам Егоровой, вполне мог обмануться его представительным видом и принять за солидного господина, но людям, бывавшим в свете, сразу бросались в глаза слишком приглаженный вид, слишком подобострастное и услужливое выражение лица, так что можно сказать, что род занятий Прохора был написан на нем крупными буквами.

Он единственный из всех трех был недоволен закончившимся путешествием, справедливо полагая, что по комфортабельности жизни Ляодунский полуостров никак не может сравниться с Апеннинским. До последнего времени его как-то примирял с окружающей действительностью шикарный вагон-салон, в котором они путешествовали, а обязанности почтенного камер-лакея сводились к руководству штатом слуг. Увы, в Мукдене с вагоном-салоном случилась какая-то неисправность. Молодой великий князь, вне всякого сомнения подзуживаемый несносным Архипычем, недолго думая, занял первое попавшееся классное купе и двинулся дальше. Несчастному Прохору ничего не оставалось, как, подхватив самое необходимое, последовать за своим господином.

Вот и сейчас Алексей Михайлович был готов немедленно отправляться на броненосец, с тем чтобы поскорее окунуться в любезную его сердцу морскую службу. Останавливала его лишь необходимость нанести визит наместнику, но после этой формальности великий князь определенно не стал бы ждать и минуты.

— Алексей Михайлович, — взмолился камер-лакей, — помилосердствуйте! Разве можно в штаб наместника в таком виде? Дайте хоть в порядок вашу форму привести. Нельзя же, в самом деле, в дорожном на люди!

— Проща дело говорит, — против обыкновения, поддержал лакея Архипыч, — пожалуйте в гостиницу. Офицер флота всегда должен сиять как медный пятак!

— Ну, ладно, — сдался великий князь, признав слова своих спутников основательными, — давайте в гостиницу. Где тут извозчики?

— Вы что, в Петербурге? — хмыкнул в ответ старый матрос. — На Востоке извозчиков не держат, больно овес дорог. Вон, рикши толкуются, пойдёмте к ним.

— Ехать на человеке, да еще в такой холод? — удивился молодой человек. — Нет, брат рассказывал мне о подобных обычаях, но...

— А о том, что ежели вы пешком пойдёте, то рикше вечером жрать будет нечего, вам Александр Михайлович не рассказывал? — грубовато спросил Архипыч.

Последний довод убедил лейтенанта, и вскоре они на двух рикшах следовали в ближайшую гостиницу. Первый, с позволения сказать, экипаж занял сам великий князь, а во втором тряслись Прохор с Архипычем. Багаж был поделен между обоими, и заказывать третий не пришлось.

— Больно добрый наш Алеша, — проговорил Прохор, глядя в спину рикше, с натугой прущему коляску, — нашел людей! По мне, так она сущие облизьяны!

— Кому Алеша, а кому его императорское высочество Алексей Михайлович! — строгим голосом поправил лакея Архипыч. — Знай свое место, сопля береговая, а то враз рыло начищу!

— Чего ты взъелся, Архипыч, — искренне удивился Прохор, — ты же его сам так, бывало, называл?

— Я флотский, а потому знаю, как и кого можно называть, а ты, штафирка, о службе понятия не имеешь, так что молчи, когда с тобой разговаривают!

— Я потомственный дворцовый слуга! — возразил ему Сапожников. — Так что еще разобраться надо, кто из нас больше в службе понимает.

Надо сказать, что подобные перебранки не были редкостью между старым матросом и молодым лакеем. Оба считали именно себя главными среди слуг и с ревностью следили друг за другом. Впрочем, дальше перебранок дело никогда не заходило, и по большому счету они, несмотря на разницу в возрасте, были друзьями.

По странному стечению обстоятельств, в это же самое время в командирском салоне броненосца «Полтава» тоже говорили о скором прибытии великого князя. Разговор происходил между его командиром капитаном первого ранга Успенским и старшим офицером капитаном второго ранга Лутониным.

— Должен сообщить вам пренеприятное известие, Сергей Иванович, — начал разговор командир, предложив Лутонину сесть.

— К нам едет ревизор? — немного иронически отозвался тот.

— Гораздо хуже, у нас будет служить великий князь!

— Вот как, а кто именно? Неужели Кирилл Владимирович чего-то натворил?

— Нет, не он.

— Хм... Александр Михайлович?

— Уже ближе, его брат.

— Алексей Михайлович, но он же не слишком здоров...

— А вы действительно недурной артиллерист, Сергей Иванович, — улыбнулся Успенский, — с третьего залпа накрyli! Да, действительно, Алексей Михайлович. Очевидно, поправился и едет выслуживать ценз.

— Странно, если под шпирцем* так обеспокоены его здоровьем, могли бы найти ему службу где потеплее. Хоть в Севастополе, что ли.

* Намек на шпиц на здании петербургского Адмиралтейства.

— Ничего не могу сказать на этот счет. Слышал лишь, что лейтенант Романов старается держаться подальше от двора и высшего света. А Севастополь, как ни крути, от Ливадии не далеко-с!

— Ну, что поделаешь, Иван Петрович, мы люди подневольные, как начальство скажет, так и будет. Какую вакансию займет на нашем богоспасаемом броненосце член императорской фамилии?

— Вахтенного офицера.

— В лейтенантском чине? Однако!

— Что поделаешь, Сергей Иванович, сами понимаете, что опыту у молодого человека взяться неоткуда. Его, чтобы хоть в лейтенанты произвести, то к одной канонерке приписывали, то к другой. Так что вахтенным начальником никак нельзя-с.

— Нельзя так нельзя. Кстати, а когда прибывает наш новый офицер?

— Завтра или послезавтра, какая-то канитель с его вагоном приключилась под Мукденом. Железнодорожники обещали сообщить. Голубчик, не забудьте распорядиться послать почетный караул для встречи. Все-таки августейший дядя императора!

— Надо бы оркестр...

— Пожалуй, но где его взять? Разве Вирена попросить, у него на «Баяне» есть. А у нас только балалаечники-с!

— И слава богу, Иван Петрович, случись что, я первый распоряжусь весь этот горючий хлам за борт выкинуть, а будь у нас целый оркестр, было бы жалко.

— Полагаете, будет война?

— Разумеется, причем это очевидно всем, даже нашему начальству, которое как тот мужик, который без грома не крестится. Если бы Старк не ждал войны, я бы давно князю Кекуатову место уступил.

— Это да, но лучше бы без нее.

— Как говорят наши матросики, спаси и сохрани царица небесная. Однако нас с вами не спросят, начинать или нет. А вот если комендоры наши оплошают, то спросят непременно.

— Ну, нашими общими усилиями, Сергей Иванович, «Полтава» и так из первых в этой науке.

— Это когда было, дорогой мой Иван Петрович! Надо, очень надо комендоров учить, да и господ офицеров не мешает.

— Кстати, хорошо, что вы напомнили, мне тут по секрету сообщили, что Алексей Михайлович изволят питать слабость к артиллерии и даже какие-то новаторские способы стрельбы изобрели-с! Неизвестно, правда, каким образом, поскольку пушки он нечасто видел, но вот поди же ты. Так что будьте готовы.

— Хм, хотя учитывая, что его батюшка генерал-фельдцейхмейстером* был, ничего удивительного. Может, просто способный молодой человек?

— Может быть, может быть. Кстати, не совсем уж и молодой, его братец в таком возрасте уже капитаном второго ранга был, да и если бы проекты о переустройстве морского ведомства писать не начал, так и выше бы поднялся. Я это к чему, будьте осторожнее, а то мало ли. Может, наш Алеша тоже прожектер?

— Как вы сказали — Алеша?

— Ну да, слышал, его так все за глаза называют.

— Ну, Алеша так Алеша. Честь имею.

— Ступайте, голубчик.

Приготовившиеся встречать молодого великого князя господ офицеры и не подозревали, что он к ним куда ближе, чем они думали. Наскоро приведя себя в порядок, Алеша (мы тоже станем так его называть) уже побывал в штабе и уверенно шел к пристани. За ним столь же уверенно шел несгибаемый Архипыч и семенил с чемоданом Прохор. У пристани, как всегда, были причалены несколько шлюпок, баркасов и катеров с разных кораблей. Обычно узнать, где чье плавание, не составляло ни малейшего труда, поскольку у каждого матроса название корабля написано на ленте его бескозырки. Однако на этот раз матросы, очевидно, от холода попрятались, и лейтенант остановился в нерешительности. Впрочем, его появление не осталось незамеченным, и вскоре из одного из паровых катеров, как черт из табакерки,

* Генерал-фельдцейхмейстер — начальник всей артиллерии Российской империи.

выскочил разбитной матрос с надписью «Новик» на головном уборе.

— Здравия желаю, вашбродь!* — гаркнул он. — Куды изволите?

— На «Полтаву», братец.

— Эх, вашбродь, — вздохнул с деланным сожалением матрос, — только что шестерка полтавская ушла.

— Досадно, — нахмурился Алеша. — Что же делать...

— А вот наш командир идут, их высокородие господин фон Эссен. Справьтесь, может, подвезут.

Действительно, к ним быстрыми шагами приближался офицер, сразу заметивший, что матросы со шлюпок где-то пропадают. Отказывав в ответ на приветствие незнакомого лейтенанта, он с прищуром посмотрел на своего матроса. Как оказалось, матросы с прочих шлюпок и баркасов нашли убежище от мороза в новиковском катере и теперь бегом его покидали.

— Что за кабак? — почти весело спросил он у них.

— Так что, погреться заходили, вашескобродие, — хором отвечали они ему.

— Сейчас вы у меня согреетесь, сукины дети, — посулил он им, впрочем, без злобы.

— Рады стараться! — гаркнули моряки, занимая места в своих шлюпках.

— Вам куда, лейтенант? — обратил он внимание на стоящего рядом Алешу.

— На «Полтаву», господин капитан второго ранга, — с надеждой в голосе отозвался тот.

— Присоединяйтесь, нам по пути, — радушно пригласил его командир Новика и тут же представился: — Эссен, Николай Отгович.

— Романов, Алексей Михайлович, — ответил ему Алеша, радуясь про себя, что Эссен опустил приставку «фон» и избавил его таким образом от необходимости называть титул.

* «Ваше благородие» — обращение нижнего чина к обер-офицеру. «Ваше высокоблагородие» — обращение к штаб-офицеру.

Великий князь тут же воспользовался приглашением и занял место в шлюпке, а вот Архипыч на секунду задержался.

— Ты куда прешься, сопля худая, — заявил он Прохору полголоса, отбирая у него чемодан, — твое место рази на корабле? Ступай да сними Алексею Михайловичу приличную квартиру, а то не дело ему в гостинице жить. Смотри, тля береговая, проверю!

Оставив обалдевшего от подобной бесцеремонности камер-лакея на берегу, старик проворно прыгнул в катер. Матрос-кочегар подкинул в топку угольку, открыл клапан, и катер, забухтев, заскользил к стоящим на якорю кораблям.

— Только что назначены? — поинтересовался у Алеши фон Эссен.

— Так точно.

— Поздравляю, на «Полтаве» отличный экипаж.

— Благодарю, — коротко отозвался великий князь, жадно наблюдая за громадинами русских броненосцев.

Море и флот Алеша любил страстно. Вынужденная из-за болезни десятилетняя разлука была для него пыткой. Оставаясь поневоле праздным, он с упоением читал все, что мог достать о кораблях и дальних плаваниях. Живо интересуясь всеми новинками, которые во множестве появлялись во флотах иностранных государств, он пытался сообщать их в морское ведомство, но заинтересовал ими только своего любимого брата Александра Михайловича, или как его звали в семье — Сандро. Живя в Италии, он свел знакомство со многими тамошними моряками и кораблестроителями и иной раз бывал на новейших итальянских кораблях и даже как-то присутствовал на маневрах. И вот теперь его мечта сбылась. Он будет служить в русском флоте и сможет отдать ему все накопленные в разлуке знания, весь жар своей не огрубевшей еще души.

Очевидно, командир «Новика» заметил состояние лейтенанта и не донимал его разговорами, и лишь когда утлая шлюпка подошла к громадине броненосца, с улыбкой пожал ему руку и пожелал счастливой службы.

— Благодарю, — отозвался Алеша и двинулся по трапу, отдавая честь флагу.